

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ «СОБОРНИКА» МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА В
КОНТЕКСТЕ СКАЗАНИЙ О КРЕСТНОМ ЗНАМЕНИИ¹

Вопрос о крестном знамении стал предметом обсуждения в русской публицистике второй половины XV — первой половины XVI в. Причин его актуализации несколько: появление сочинений, косвенно свидетельствующих о распространении на Руси троеперстия после принятия унии (1439 г.) и образования русской автокефальной церкви (1461 г.) [Успенский, 2006, с. 313], усиление второго южнославянского влияния [Успенский, 2002, с. 366–367; Успенский, 2004, с. 101]; преобладание ритуальных элементов при чтении молитв и совершении церковного обряда и искажение его исполнения; полемика с жидовствующими о поклонении кресту [Жмакин, с. 425–428, 437–438]. На Руси тему перстосложения в крестном знамении открыли «Феодоритово слово» [Виноградов; Жмакин, с. 442–443; «Свидетельство...»; Смирнов; Субботин; Макарий (Булгаков), с. 217–218; Голубинский, с. 477–478; Успенский, 2006, с. 334] и «Слово о крестящихся» [Успенский, 2006, с. 52–53]. Мотив осуждения формального отношения к наложению креста во время молитв довольно сильно звучал в Послании старца Артемия «К люторским учителям» [Послания, стб. 1250–1251], «Повести зело полезной отца Нила» [Казакова, с. 319–339], «Валаамской беседе» [Моисеева; Фроянов, с. 78–98], сборниках Ефросина [Лурье, с. 138; Каган, Поньрко, Рождественская, с. 76, 182], «Стоглаве» [Емченко, с. 292–293]. Вассиан Патрикеев, не сторонник строгого следования обрядам, тем не менее, обращал внимание на то, что надо «крестное знамение на лице все полно крестити» [Бодянский, с. 13]. Старец псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофей в своем знаменитом Послании к Василию III писал великому князю Московскому о необходимости исправления крестного знамения: «Но и еще, царю, исправи двѣ заповѣди, еже по твоємъ царствии не полагают челоуѣцци на себѣ право знамениа честнаго креста» [Синицына, 1998, с. 359].

Право поклонения иконам, Евангелию, священным сосудам, храму и кресту доказывал Иосиф Волоцкий в связи с критикой ереси жидовствующих. Шестое и седьмое Слова «Просветителя» можно считать прологом к повествованиям о крестном знамении в русской книжной культуре XVI в. Они «создавались одновременно в рамках реализации единого авторского замысла» [Алексеев, с. 245] и представляют собой единый текст, на что указывают одна тема, связанность материала, последовательность изложения и обещание автора в конце Слова 6 продолжить разговор («како подобает поклоняться... явлена будут напредѣ въ вторѣмъ словѣ»²). В заголовке Слова 6 обозначена причина обращения к теме: против ереси новгородских еретиков, «глаголющих, яко не подобает поклоняться иже от рук челоуѣческихъ сътвореннымъ вещьмъ» (С. 219). В названии Слова 7 («Сказании») заявлено, что будут приведены свидетельства святых книг о правилах и обычаях обращения христиан к иконам и сакральным образам («...нынѣ же паче подобает поклоняться иже от рукъ челоуѣческихъ сътвореннымъ вещьмъ, сирѣчь святымъ иконамъ и Честному и Животворящему Кресту и прочимъ божественнымъ и освященнымъ вещьмъ» (С. 254)). В Слове 6 «Просветителя» речь о кресте пока не идет, но игумен приводит рассуждения о поклонении на восток: «но поклоняль бы ся паче на вѣстокъ, понеже Богъ есть Разумный и Солнце праведно...» (С. 236). В Слове 7 высказывание Иосифа Волоцкого о поклонении кресту, как и другим священным предметам, представляет фрагмент в общем повествовании. Ссылаясь на отцов Церкви, игумен ведет речь о том, что нужно всякому кресту, «иже въ образ и подобие

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00503а.

² Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преп. отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1903. С. 253. Далее страницы указаны в круглых скобках.

сътворень оног Христова Животворящаго Креста» (С. 261), поклоняться. Примечательно, что Иосиф цитирует ветхозаветный текст (Иез 9: 5–6; Пс 59: 6), приводит аллюзии на библейские сюжеты, но не обращается к толкованиям святых отцов, тогда как митрополит Даниил построит свои сочинения на тему крестного знамения как раз на словах учителей Церкви. Основная задача Иосифа Волоцкого — доказать, что можно и нужно поклоняться кресту и другим священным предметам, созданным человеком. Замысел его Слов порожден идеей защиты репрезентативного ряда священных предметов от новгородской ереси. Вопросы сложения перстов игумен не касался, видимо, потому, что тот пока не стоял остро на повестке дня; его обсуждение наиболее активно велось на протяжении второй четверти XVI в. и завершилось решением Стоглавого собора.

Митрополит Даниил в 30-е годы XVI в. выступил в защиту древнего православного обычая перстосложения и поклонения на восток. Основные мотивы Слова 4 его «Сборника» — утверждение крестного знамения как священного знака христианской веры, утверждения правила двуперстия, поклонение в молитвах на восток. Их выбор обусловлен рецепцией сочинения Иосифа Волоцкого. Следуя традиции своего наставника, Даниил тоже формирует свое высказывание в два Слова: Слово 3 и Слово 4, которые в составе «Сборника» связаны паратаксическими отношениями. В заголовке Слова 3 Даниилом заявлена проблема следования неписанным апостольским и святоотеческим преданиям, предварившая разговор о крестном знамении: «... сия вся церковнаа предания, писанаа и неписанаа, узаконенаа намъ от святыхъ апостоль и богоносныхъ отецъ нашихъ, непреложно подобаетъ съблюдати»³. К преданиям неписанным отнесены повествования о крестном знамении и поклонении на восток.

Название Слова 4: «Яко приахом предания писанаа и неписанаа; и да знаменуем лице свое крестообразно; и еже на вѣстокъ обращаться въ молитвахъ и зрѣти, сице еже и поклоняться» (Л. 92 об.) — коррелирует с содержанием предыдущего третьего Слова. Структура заголовка обусловлена трехчастным строением повествования. Содержанием первого раздела Слова 4, «историко-церковного», стала тема о принятии неписанных преданий, она здесь повторена Даниилом в стилистической редакции, несколько отличающейся от Слова 3. Во втором обширном разделе, «свидетельствах», системно подобраны выписки из прецедентных текстов о крестном знамении. «Наказание», третий раздел, представляющий собой пастырскую проповедь Даниила, посвящено обсуждению обряда поклонения в молитвах на восток.

Начинается «историко-церковный» раздел с устойчивого мотива о принятии неписанных священных и церковных преданий, которые «пророци предвозвѣстиша и святии апостоли научиша и предаша, таже по них преподобнии отци уставиша и узаконоположиша» (Л. 93). Авторские рассуждения об их пользе составляют оригинальную часть текста митрополита: «И вся предания писанаа и неписанаа, яже святаа Церкви приять, не токмо же сие, но и печаль изгоняет, и радость всажает, и злобу убивает, и страсть истерзает, и к добродѣтели въдвизает, и от земныхъ на небеснаа преселяет» (С. 93). Даниил интересен тем, как он «переводит» догмат в пастырское нравоучение. Свою роль он видел в наставлении, направленном на формирование христианского образа мыслей и жизни «сущихъ в мирѣ». Он не учитель Церкви, но учитель жизни и церковный просветитель. Основное чтение православного, по мнению Даниила, — Священное Писание. В каждом его Слове речь идет о прилежном «прочтении Божественныхъ Писаний», и здесь, в Слове 4, митрополит говорит, что таким чтением человек «сокровища разума себѣ полагает... спасая себе и другихъ» (Л. 93 об.).

За богословским экскурсом у Даниила следует наказ: «Дѣлаимъ благаа дѣла, архиереи и священници, и диаconi, и поддиаconi, и четци, и пѣвци, иноци, и мирстии, и свободнии, и

³ Слова 3 и 4 не изданы, если не считать публикации В. Жмакиным первой части третьего Слова [Жмакин, Отдел приложений, с. 7–10]. Текст «Сборника» цитируется по рукописи РГБ. Ф. 173/1. Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии (далее — собр. МДА). № 197. 30-е годы XVI в. Л. 64. Далее листы указаны в круглых скобках.

работнии, и владующии, и послушни, мужие, и жены, малии и велици, премудрии и прости, богатии, убозии и нищии, воины и воеводы, юноши и девы, и състарѣвшееся» (Л. 95). Даниил обращается к миру, надеясь, что его слово дойдет до каждого члена паствы. «Историко-церковная» часть Слова 4 завершается зааминиванием, считающимся маркером финала пастырского поучения, тогда как не все Слова «Сборника» имеют такую знаковую концовку.

Во втором разделе Слова 4 Даниилом подобраны выписки из апостольских и святоотеческих текстов. В. Жмакин отметил, что «вся самостоятельность митрополита здесь обнаружилась по преимуществу только в обобщении и известной комбинации данных, представляемых собранными... свидетельствами» [Жмакин, с. 447]. Макарий (Булгаков) писал, что во второй части своих Слов Даниил «только представляет чужие свидетельства, располагает их по своему усмотрению, без всякой между ними связи, и от себя не прибавляет и не говорит ничего» [Макарий (Булгаков) с. 189]. На самом деле, «свидетельства», подобранные Даниилом, органичны в художественной системе его Слов [Журова, 2014а, с. 130–156], и необходимо исследовать композицию раздела, под которой мы понимаем субъектную организацию произведения, состоящую в компоновке и систематизации разного рода фрагментов.

Архитектоника второго раздела Слова 4 отличается от строения Слова 3 элиминированием библейской цитаты (евангельской или апостольской), которая обычно занимала позицию начала «свидетельств» и служила интенциональным моментом в формировании «множества» выписок из прецедентных текстов. Цитата из Евангелия от Луки (Лк 10: 30–35, притча о самарянине), открывшая второй раздел Слова 3, стала общим зачином в изложении «свидетельств» в смежных Словах «Сборника».

В. Жмакин разделил выписки Слова 4 на группы, используя семантический принцип: о силе и важности крестного знамения, способе сложения перстов, поклонении в молитвах на восток. Историк не учитывал последовательность и порядок расположения «свидетельств» в сочинении, сосредоточившись на содержании фрагментов, тем самым нарушив авторскую систему презентации материалов. Важно в нормативной поэтике древнерусской литературы обращать внимание на форму повествования, которая «должна быть осознана как динамическая» [Тынянов, с. 26]. Предложенная далее классификация «свидетельств», четко привязанная к авторскому изложению, позволяет проследить семантические связи между ними и приблизиться к пониманию замысла Даниила.

Своеобразным вступлением ко всему разделу служат перифразы из трех источников: о соблюдении неписаного церковного обычая как закона («От заветования священных правил»); о крестном знамении и поклонении на восток (27-я глава Послания Василия Великого Амфилохию); о защите божественными силами принявших крестное знамение (из толкования Псевдо-Афанасия Александрийского). Эти «свидетельства» в принципе представляют собой тезисы, содержащие программное заявление темы, и они будут развернуты составителем в компилятивный текст.

Все «свидетельства» представим в виде двух «множеств»: крестное знамение (*K*) и поклонение на восток (*W*) (под «множеством» понимаем совокупность определенных элементов, которые, по замыслу автора, соединены в одно целое).

Множество *K* составлено из нескольких подмножеств, однородных по тематике высказываний. Первое подмножество сформировано из трех «свидетельств», содержанием которых стал вопрос о перстосложении. В него вошли описания крестного знамения, выбранные из творений Петра Дамаскина, подложного «Феодоритова слова» и анонимного русского «Слова еже о крестящихся». Отрывок из творений Петра Дамаскина относится к заключительной главе его творений «О различии помыслов и прилогов». Сопоставление текста, приведенного Даниилом, например, со списком XV в. ГИМ. Синод. собр. № 950, представляющим славянский перевод

сочинения Петра Дамаскина, который достаточно точно, по наблюдениям Б. А. Успенского, передает греческий текст оригинала [Успенский, 2006, с. 44, 96], обнаруживает небольшие разночтения:

<i>Синод. 950. Л. 118 об.</i>	<i>Слово 4 «Сборника» митр. Даниила. Л. 96</i>
И съвыше наченше — иже от небеснаго Егова к намъ исхождения	И свыше наченше — иже от небеснаго Его к намъ схожения являет

Вероятно, Даниил пользовался переводом, в котором синтаксически законченная фраза адаптирует текст к русской языковой традиции.

«Феодоритово слово» и «Слово еже о крестящихся», как правило, в рукописной традиции находятся вместе⁴. Логика такого сочетания состоит в том, что объяснение природы перстосложения в «Феодоритовом слове» продолжается осуждением формального наложения креста в «Слове еже о крестящихся»: «Мнози неразумнии, иже не крестообразно крестящесе, но точию махающе по лицу своему творят крестящесе, а всуе тружающесе, тому бо маханию бѣси радуются» (Л. 97). Трудно определить рукописные источники, которыми пользовался Даниил. Известно, что он обращался к переводам Максима Грека. Но в результате текстологического анализа «Феодоритова слова» по списку Толковой псалтыри в переводе Святогорца и с его автографами [Синицына, 1977, с. 13] РГБ. Ф. 304/1. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры (далее — Троицкое собр.). № 315. Нач. XVI в. Л. 28—28 об. и по спискам «Сборника» Даниила РГБ. Ф. 173/1. Собр. МДА. № 197. 30-е годы XVI в. Л. 96—96 об. и РНБ. F.I.522. XVI в. Л. 86—86 об. установлены существенные разночтения, свидетельствующие об особенностях текста «Феодоритова слова» в редакции митрополита. Так, вставка с указанием, какие именно персты составляют Троицу, формирует принципиально важную позицию ее автора в учении о перстосложении:

<i>Толковая псалтырь. Троицкое собр. № 315. Л. 28</i>	<i>Слово 4 «Сборника» митр. Даниила. Л. 96</i>
Три персты равны имѣти вкупѣ по образу Троицеску	Три персты равно имѣти вкупѣ, <u>болшей да два послѣднихъ</u> , по образу Троицеску

Н. Виноградов полагал, что Даниил введенным уточнением (называнием пальцев) усиливал доказательство двуперстного знамения [Виноградов, с. 67]. В. Жмакин оспаривал мысль об авторской правке «чужого» текста, считая, что «такой прием противоречит литературной деятельности Даниила» [Жмакин, с. 442, примеч. 2]. В современной науке есть убедительные доказательства редакторской деятельности Даниила [Клосс, с. 112—130; Гаврюшин, с. 357—363; Сапожникова, с. 91—129]. Принципы работы книжника в составлении «свидетельств» Слова 4 те же, что в редактировании Даниилом летописей, «Диалектики» и «Богословия» Иоанна Дамаскина. Дополнения, появившиеся в тексте «Феодоритова слова» под редакцией Даниила, могли быть порождены читательским восприятием писателя, стремившегося уточнить (скорректировать) смысл переводного текста:

<i>Толковая псалтырь. Троицкое собр. № 315</i>	<i>Слово 4 «Сборника» митр. Даниила</i>
а тѣмъ указъ тако образуетъ двѣ естествоѣ — Божеству и челоѣчеству (л. 28)	а тѣмъ указъ тако прообразуютъ двѣ естествоѣ <u>Христовѣ</u> — Божество и челоѣчеству (л. 96 об.)
Вышний же персть образует Божество, а нижний — челоѣчеству (л. 28)	Вышний же персть образует Божество, а нижний <u>перст образует</u> челоѣчеству (л. 96 об.)
сниде спасения нашего ради (л. 28 об.)	сниде <u>на землю</u> нашего ради спасения (л. 97)

Текст Даниила отличается выравниванием смыслового строя фраз. К особенностям списка «Феодоритова слова» в «Сборнике» Даниила надо также отнести появление строевых элементов (*же, и*) и усеченные словоформы, например: *сѣздан — зданѣ, распростерта — простерта, а также опущение формулы зааминивания.*

⁴ В таком сочетании они известны, например, в составе сборника Ефросина РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 22/1099. Кон. XV в. Л. 321—322; Псалтыри (например: РГБ. Ф. 304/1. Троицкое собр. № 315. XVI в. Л. 28—28 об. (с автографами Максима Грека); Кормчей 1493 г. (РНБ. Соловецкое собр. № 858/968. Л. 472 об. — 473); в «Стоглаве».

В редакции Даниила «Слова о крестящихся» тоже видим ряд вставок и вариативных чтений, они акцентировали моменты, усиливающие значимость обряда знамения:

Толковая псалтырь. Троицкое собр. № 315.

Л. 28 об.

Мнози неразумнии человѣци, махающе рукою по лицу своему, творить крестящиеся крещает лице свое симъ животнымъ знаменемъ. Аще кто лѣнностію или невежъствиемъ не исправляет креста на лица своемъ...

Слово 4 «Сборника» митр. Даниила.

Л. 96 об.—97

Мнози неразумнии, иже не крестообразно крестящиеся, но точно махающе по лицу своему, творят крестящиеся крещает лице свое симъ животнымъ знаменемъ. Аще же кто лѣнностію или непокорениемъ не исправляет животнаго знаменна крестообразно на лица своемъ...

Даниил убирает фразу, видимо, не отвечающую его взглядам:

Толковая псалтырь. Троицкое собр. № 315.

Л. 28 об.

...от Бога мзду въсприемъ за то. Аще единою кто крестить лице свое, и поистинѣ право крестится.

Слово 4 «Сборника» митр. Даниила. Л. 96 об.

...от Господа мзду въсприемет

Чтобы окончательно решить вопрос об авторстве вариантов в «свидетельствах» Слова 4, необходимо текстологическое исследование «Феодоритова слова» и «Слова о крестящихся».

Редакция «Феодоритова слова» в Слове 4 стала единственным аргументом для утверждения Даниила в роли распространителя дуперстия на Руси [Голубинский, с. 480]. Но, приведя три «свидетельства» о правиле крестного знамения, проповедник не составил собственного высказывания на эту тему.

Второе подмножество сформировано из толкований псалмов, представляющих собой репрезентативный ряд «свидетельств» о смысле и значении крестного знамения. Они построены по традиционной модели: имя толкователя — авторизация цитаты — цитата — собственно толкование. Сюда вошли слова Оригена на Пс 4: 7 («Знаменася на нас свѣтъ лица Твоего, Господи!») и Пс 59: 6–7 («Даль еси боящимся Тебе знамение, бѣжали от лица лука, яко избавлятыя възлюблени Твои»), Феодорита на Пс 22: 4 («Жезль Твой и палица Твоя та мя утѣшиста»), Афанасия Александрийского на тот же стих Пс 59: 6. Весь этот свод кратких выписок из толкований святых отцов объединяет мысль об оберегающей и побеждающей силе крестного знамения.

В третье подмножество включены сочинения разных жанров, обращенные к теме происхождения знака креста и его защитной роли. Слово Феодора Мопсуестийского о спасительной силе креста, ставшего во времена пребывания евреев в Египте внешним символом, отличающим своих от врагов, — это один из популярных сюжетов христианской литературы (его упоминают Иосиф Волоцкий, Максим Грек). Цитата из Беседы Василия Великого на 59-й псалом продолжает тему: «Моиси убо прагы иизмаилтян кровию овчею назнаменова, Ты же даль еси намъ знамение — саму Кровь непорочнаго Агньца, заколенаго за грѣх мира». Одна фраза, приведенная Даниилом из экзегезы Евсевия Кесарийского, тоже о силе наложенного знамения. Но центральное место в этой группе «свидетельств» занимает толкование библейской притчи из Иез 9: 3–6, где речь идет о человеке в льняной одежде, который по повелению Господа поставил на чело благочестивых людей знак, ставший для них оберегом во время беспощадной казни нечестивых в Иерусалиме. В толковании этого текста⁵ сформулирована главная мысль, положенная в основу учения о божественном освящении: «сим убо тако прообразовася знамение Животворящаго Креста» (Л. 100). Единицы (фрагменты толкований) данного подмножества разновелики, но подчинены единой мысли о знаковой функции креста. Заключительные слова: «Сим знаменем познаваемся вѣрнии и от невѣрных отступаемъ, сие щитъ и оружие всѣхъ православныхъ христианъ» (Л. 101) — эффектная концовка тематической группы.

⁵ В. Жмакин считал, что начальная часть толкования принадлежит блаженному Феодориту [Жмакин, с. 439–440].

В четвертом подмножестве подобраны рассказы о чудодейственной силе креста, в которых лейтмотивом стали слова: «Аще и что смертно испиют, ничто же ихъ вредит» (Л. 101). Сюда вошли толкование Феофилакта Болгарского на Евангелие от Марка («мнози отраву пивше, креста знамением без вреда съхранени быша»), краткий рассказ из Жития Феодора Едесского о мученике Михаиле, который, перекрестившись и помолвившись, принял отраву от нечестивого царя и остался невредим. На этот же сюжет, о защитной силе крестного знамения против яда, приведено повествование из «Воспоминательного слова Симеона Метафраста еже о Иоанне Богослове»⁶. Яркий эпизод о спасительной силе креста взят из канона на Воздвижение Честного Креста (песнь 1), в толковании которого рассказывается о явлении Креста на небе царю Константину и даровании ему победы над язычниками. Занимательность сюжетов приведенных «свидетельств» оживляет проповедническое повествование.

Своеобразная похвала Кресту составлена Даниилом в заключительном, пятом, подмножестве «свидетельств». Фрагменты из Беседы 54 Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и Слова Ефрема Сирина «О всеобщем воскресении, о покаянии, о любви, и Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» провозвещают силу Креста, и панегириком звучат слова Иоанна Златоуста: «Сеи бо Крестъ вселенную спасе и обрати, заблужение изгна, истинну въведе, землю небо сътвори, человекъковъ ангеловъ съдѣла. Сего ради бѣсове не ктому страшни, но удобъ пренебрегоми, ниже смерть ктому смерть, но сонъ. Сего ради вся повержена быша долу и попрапа борюща нас» (Л. 108). Ефрем Сирин представил Крест как «побѣдное оружие великаго Царя Христа»: «О сем оружии дразѣмъ Христос Богъ нашъ расторже всенесъгнущую адову утробу и многокозненная неприязни затче уста» (Л. 108).

Таким образом, множество «свидетельств» К на тему крестного знамения Даниилом сложил в единый сюжет. Его эпизодами стали правило перстосложения, толкования смысла и значения обряда знамения, история происхождения креста и рассуждения о его спасительной силе, знаковый смысл креста, занимательные рассказы о чудесах от крестоналожения. В такой динамичной последовательности совершенно логична гимнографическая концовка сводного (компилятивного) повествования. Несомненно, Даниилом в подборке прецедентных текстов руководствовался четким замыслом и реализовал его созданием собственной системы доказательств, опосредованно выражающей его позицию. Она состояла в распространении культуры осознанного отношения к церковному обряду крестного знамения и его безусловного исполнения, а также в критике формального его ведения.

Множество «свидетельств» W в Слове 4 однородно (в нем нет подмножеств) и немногочисленно. Даниилом собраны выписки на сюжет поклонения в молитвах на восток из трудов Василия Великого, Псевдо-Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина и Иосифа Волоцкого.

Фрагмент из «Послание о Святом Духе к блаженному Амфилохию, епископу Инокийскому»⁷ с заявленной темой (о поклонении на восток) связан только начальной фразой: «Сего ради вси убо зримъ къ востоком в молитвах, малии же свѣтмы, еже яко древнее възыскуемъ отечество, рай, егоже “насади Богъ въ Едемѣ на въстоцѣ” (Быт 2: 8)» (Л. 110 об.). Он содержит рассуждения святителя о совершении молитв в первый день седмицы. Это «свидетельство» Василия Великого уже было приведено в Слове 3 («О писаных и неписаных преданиях»), причем в более полном виде. Примечательно, что тексты выписок из одного сочинения Василия Великого в двух Словах Даниила имеют ряд существенных разночтений, что служит прямым доказательством использования митрополитом разных источников при составлении своих Слов:

⁶ Это слово известно в рукописной традиции как самостоятельное сочинение (ГИМ. Синод. собр. № 235. Л. 245: «Блаженѣшаго Симеона Метафраста воспоминательное слово на праздник святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова»; написано почерком, отличным от предыдущего) [Горский, Невоструев, с. 140].

⁷ *Василий Великий. Избранные творения.* 2010. Т. I. Ч. 4. Глава 27 // <http://knigi.tor2.org/?b=2816322>

Слово 4

...но яко мнѣтся нѣкако чаемаго вѣка образ. Тѣм же и начало сѣи днѣмь Моисеом не первѣи, но единѣ именованѣ бысть (Л. 110 об.)
И вся Пятдесятица еже в вѣцѣ ономѣ чаемаго въскресения есть въспоминание (Л. 111).
Тѣм же и вѣкъ подражаетъ подобиемъ, якоже в колеснѣмъ пошествии (Л. 111 об.)
В нем же простѣи образ молитвы предпочитати, устави церковнии нас наказаша от явленнаго въспоминания, якоже пресељающе нашъ умъ от настоящих на будущаа (Л. 111 об.)

Слово 3

...но яко и видимся нѣкоимъ чином чаемаго вѣка быти образ. Сего ради и на вѣстокъ днѣмь сѣи не первѣи от Моисеа, но единѣ именованѣ бысть (Л. 81 об.)
И вся убо Пентикостия въспоминание есть въскресения еже в чаемом вѣцѣ (Л. 82)
Сего ради и вѣка подражаетъ уподоблениемъ, акы в кружномъ движении (Л. 82)
В он же прѣимыи образ молитвы предпочитати, законы церковныа нас научиша истиннымъ въспоминаниемъ, акы прелагающе умъ нашъ от настоящаго вѣка к будущимъ (Л. 82)

Синонимический ряд: *питомца — чада, в колеснѣмъ пошествии — в кружномъ движении, устави церковнии — законы церковныа* — представляет варианты чтения, квалифицируемые как признаки различных редакций сочинения.

«Свидетельства» Слова 4 в рукописи РГБ. Ф. 173/І. Собр. МДА. № 197 правлены почерком основного писца, и правка выписки из сочинения Василия Великого, видимо, была вызвана памятью книжника о тексте Слова 3:

Слово 4

въ едину от суботъ, сирѣчь недѣлю, слово же не вси вѣмь (*над словами слово же киноварные знаки глоссы, на левом поле вписано почерком основного писца под киноварными знаками глоссы вино же*) (Л. 110 об.)
яко томужде въображающуся многажды (*над словом въображающуся киноварные знаки глоссы, на нижнем поле вписано почерком основного писца под киноварными знаками глоссы преображающуся*) (Л. 110 об.)
Достоинѣ убо, яже в немѣ молитвы стояще исполняти, своя питомца Церкви наказует. Яко да частымъ въспоминаниемъ нескончаемаы жизни, еже къ оному дню напутіа не нерадимъ (*над словом питомца киноварные знаки глоссы, на правом поле вписано почерком неосновного писца под киноварными знаками глоссы чада; над словом напутіа киноварные знаки глоссы, на правом поле вписано почерком неосновного писца под киноварными знаками глоссы преселения*) (Л. 111)

Слово 3

въ едину от суботъ, сирѣчь неделю, вину же не вси вѣмь (Л. 81)
акы тому же преображаему многажды (Л. 81 об.)
Потребнѣ убо, молитвы яже во инѣ стоящимъ исполняти, Церковь наказует своих чад. Да частымъ въспоминаниемъ некончаемаго живота от потребных, яже къ иному преселению не нерадимъ (Л. 82)

Приведенные текстологические наблюдения позволяют изучить опыт составительской работы Даниила и обращения с источниками.

В «свидетельства» Слова 4 писатель целиком поместил главу «О поклонении на восток» из трудов Иоанна Дамаскина, в которой приведены доказательства, почему следует поклоняться на восток, и дополнил ее двумя фразами из главы «Об иконах», в которых отмечено, что о поклонении на восток известно из неписаных преданий⁸.

Следующее «свидетельство» — «Великаго Афонасия еже къ Антиоху князю. Въпрос: Что ради мы, христиане, покланяемся на вѣстокъ, жидове же на югъ. Отвѣт...» — принадлежит Псевдо-Афанасию Александрийскому⁹. Оно привносит полемическую интонацию в общее повествование.

⁸ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга 4. Глава 12. О поклонении на восток. Глава 16. Об иконах // http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very/

⁹ РГБ. Ф. 304/ІІ. Доп. собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 124. Перв. треть XIX в. Л. 17 об.—18 об. «Святаго отца нашего Афанасія архієпископа къ начальнику Антиоху о разныхъ необходимыхъ и полезныхъ для всехъ христианъ вопросахъ». См. также: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкованія / Изд. Бенешевича В. СПб., 1907.

Последнее «свидетельство» множества *W*, обозначенное как «От иных книг», принадлежит Иосифу Волоцкому, на что указывал еще В. Жмакин [Жмакин, с. 445], и представляет собой фрагмент из Слова 7 «Просветителя» (Л. 277–278). Даниил имперсонализировал авторский текст, видимо, из этических соображений: он не решился поставить имя игумена Волоцкого монастыря в один ряд с учителями Церкви. Иосиф повторил известные аргументы святых отцов о поклонении на восток, привел, как и учителя, те же библейские цитаты. Но акцент писателем сделан на том, что можно поклоняться на восток в отсутствие икон, храмов и других священных вещей, и эту идею Даниил развил в своем Слове.

Таким образом, второй сюжет «свидетельств» — о поклонении на восток — односложен по содержанию. В целом, «свидетельства» Слова 4 необходимо представить как форму опосредованного авторского повествования, в которой Даниил свой «собранный» монолог складывает из речей «другого» («я существую для другого и с помощью другого» [Бахтин, с. 8]). Такая авторская позиция в книжной культуре Средневековья была общепризнанной. Она свидетельствует о переходном этапе (от коллективного к индивидуальному) в формировании самосознания древнерусского писателя [Конявская, с. 24–25]. Построение второго раздела подчинено замыслу писателя — системно изложить учение о крестном знамении и поклонении на восток.

«Наказание» (третий раздел Слова 4) как жанровую модификацию проповеди [Левшун, с. 194] Даниил построил на обсуждении мысли Иосифа Волоцкого о поклонении в молитвах на восток в отсутствие священных объектов. «Наказания» митрополита больше всего привлекали внимание исследователей XIX в., потому что «речь иерея к пастве» — это, собственно, оригинальный авторский текст [Беляев, стб. 207; Макарий (Булгаков), с. 188; Гинбов, с. 138]. В единственной на сегодняшний день публикации Слов «Сборника» именно «Наказания» составляют презентацию творчества писателя [Жмакин, Отдел приложений, с. 1–37]. Историки в основном отмечали содержание раздела: «Наказание»... «состоит всегда из нравственных уроков, наставлений, обличений. Оно весьма редко находится в связи с главным предметом Слова... Наказание не отличается единством предмета и в своем собственном составе» [Жмакин, с. 289]. Оценка Е. Е. Голубинского еще жестче: «...странны в словах митр. Даниила эти третьи их части, называемые “наказаниями”. Представляя собою обличительные пастырские поучения, они приклеены и приткнуты к словам большею частью ни с того, ни с сего, ни к селу, ни к городу, и должны были бы составлять нечто совсем особое от них и отдельное» [Голубинский, с. 222].

Анализ Слова 4, как и других сочинений писателя [Журова, 20146], позволяет внести коррективы в выводы ученых. «Наказание» здесь органически связано с предыдущими разделами Слова, но Даниил высказался только по одной теме — поклонение на восток, а мотивы неписанных преданий и крестного знамения служат к ней вступлением. Обращение церковного писателя к вопросу о поклонении на восток можно объяснить глубоко личностным движением. Даниил ввел в существовавший контекст (он представлен «свидетельствами») собственные размышления и примеры, то есть авторская интенция была вызвана рефлексией и самоинтерпретацией.

В «Наказании» пастырская речь Даниила, как обычно, начинается с отсылки к предыдущему разделу: «Сиа в малѣ от Божественных Писаний събрах о знамении Честнаго и Животворящаго Креста и еже на вѣсток обращатися въ молитвах...» (Л. 115). Даниил не уставал подчеркивать, что свою роль он видит в собирании и распространении знаний священных книг: «Азѣ, бо от многихъ плещей и попечении украдаем, жизнь свою в лености изгубих и ни едино дѣло благо сътворих, точию мало нѣчто прочтох Божественаа Писания, и от сихъ себѣ и другимъ въспоминах, и глаголахъ, и писахъ» (Л. 115–115 об.), — и обретенным знанием «себя насыщаю и иным даю» (Л. 118). Главная задача вступления в «Наказании» — аккумулировать мысль о том, что к

неписанным преданиям относит Церковь крестное знамение и поклонение на восток, но далее Даниил сосредоточивается только на втором мотиве.

Поддержав мысль Иосифа Волоцкого о поклонении на восток, если рядом нет священных предметов, икон, Креста или храма, митрополит повторил два аргумента своего наставника: о восхождении Христа на восток и втором Его пришествии, которое ожидается с востока. Новым словом в этой теме стали воспоминания Даниила о подвигах пустынников (Марии Египетской, Марка Отшельника, Онуфрия Великого), известных христианам из повестей и житий мучеников и преподобных.

Особенность проповеди Даниила состоит в том, что он привязывает богословское учение к пастырскому наставлению, к архиерейскому наказу: «К востоку же зря, покланяся, поминаи Второе пришествие Сына Божия...» (Л. 117). Размышления на тему молитвенных поклонов у Даниила сменяются на обвинения смертного человека в греховности его жизни. Переход от богословской темы к мирской построен на контрасте деяний святых отцов, которые «многы труды и поты показаша, вся земная презрѣша...», и поступков людей: «Мы же, братие, шатаемся в маловременнемъ семь житии, яко скотъ» (Л. 116 об.). Смысловая связка — «они» (святые) & «мы» (грешники) — характерная черта в логике изложения Даниила. Противопоставление становится организующим началом речи писателя. Оно создает реальность коммуникации, выдержанной в религиозной модальности, когда «считается, что реакция не обязательно следует, но мы верим, что она может быть» [Успенский, 2012, с. 34].

В «Наказании» Слова 4 церковный писатель обращается к пастве дважды. Сначала Даниил строит свою речь от 1-го лица множественного числа («Мы же, братие»), подчеркивая тем самым свою сопричастность происходящему в грешном мире и устанавливая доверительный тон в общении с православными. А следующее обращение проповедник направляет к безымянному адресату — «подвижниче любомудрый»: «Ты же свѣрѣпствуеши и скачеша, акы растерзати мя хотя, и глаголещи: “Вѣмъ, вѣмъ азъ сиа”» (Л. 118). Даниил был мастером обличений человеческих пороков. Он с гневом обрушивается на тех, кто «всегда упражняющеся въ сквернословиахъ и на сотонинскихъ позорищахъ, и блудническими лицы и хоженіи, и глаголы насыщающеся и погубляюще себе же и другихъ» (Л. 118 об.). Его инвективы придавали «Наказаниямъ» черты памфлета, жанра, который находился на стадии своего становления в европейской средневековой культуре первой половины XVI в. (Мартин Лютер, Эразм Роттердамский). Самоуничижением заканчивает свою проповедь Даниил: «О, лютѣ мнѣ, грѣшному и окаянному! Како убѣжати имамъ вѣчныхъ онѣхъ мукъ, таковая съдѣвая?» (Л. 119), — тем самым усиливая в финале риторическую окрашенность своей речи.

Единство мысли и образа в проповеди, при ведущей роли мысли, игра эмоциями в авторской речи — особенности публицистического стиля церковного писателя.

Таким образом, в Слове 4 «Соборника» митрополита Даниила собраны в единое целое разрозненные элементы, имеющие идентификационные признаки трех предикатов: неписаное предание, крестное знамение, поклонение на восток. Это «коллективизирующее свойство» — особенность сочинений «Соборника» митрополита. Авторский текст и «чужой» текст («свидетельства») находятся в единой исторической парадигме, и собственный текст Даниила генетически связан с множеством прецедентных текстов, представляющих собой диахронический ансамбль. Гетерогенная структура Слова 4 (три раздела: «историко-церковный», «свидетельства», «Наказание») усложнена введением внутренних смысловых и риторических уровней. Даниил такой архитектурой стремился обеспечить авторитетность собственного слова, слова пастыря, которое занимает всего четверть объема четвертой «главизны» «Соборника». Основная задача автора — просветить и вразумить «неразумныхъ человекъ», основное достижение — создание собственной поэтической системы корреспондирования догмата в «низкую» культуру паствы.

Иная архитектоника, стилистика и модальность в «Сказании, како знаменоватися крестным знаменнемъ» Максима Грека [Журова, 2007, с. 3–33]. Сочинение сохранилось только в одном прижизненном кодексе — Иоасафовском (РГБ. Ф. 173/І. Собр. МДА. № 42. Л. 314–317. Глава 33 и РГБ. Ф. 173/ІІІ. Собрание по временному каталогу библиотеки МДА (далее — собр. МДА). № 138. Л. 202 об. — 205 об. Глава 33)¹⁰ и ряде собраний, составленных русскими книжниками во второй половине XVI — XVIII в. Это сочинение афонского монаха (вместе со «Словцом о трегубой алилуйе») сыграло немаловажную роль в истории русского раскола и, по словам А. Т. Шашкова, перетянуло «на чаше весов весь огромный комплекс грекофильских идей афонца, неприемлемый для сторонников “древлего благочестия”, и в конечном счете определило уважительное отношение к нему со стороны старообрядцев» [Шашков, с. 80]. Представители официальной русской Церкви считали этот памятник подложным. Так, в рукописи РГБ. Ф. 173/І. Собр. МДА. № 42 на поле почерком неосновного писца вписана глосса: «Сие Слово не Максимово, ложно, кто инъ написалъ»¹¹. Но в списке РГБ. Ф. 173/ІІІ. Собр. МДА. № 138 того же Иоасафовского собрания сохранена многочисленная авторская правка. Так, к киноварному заголовку: «Того же инока Максима Грека. Сказание, како знаменоватися крестным знаменнемъ» — почерком Максима Грека дописано: «и что есть сила и тлъкъ сицевому знаменованию» (С. 28. Примеч. 5), что безоговорочно доказывает принадлежность текста «Сказания» афонскому монаху. Судя по приписке, авторская интенция направлена не только на описание церковного обряда, но и на его интерпретацию. Таким образом обеспечена гомогенность структуры «Сказания» и монологичность повествования.

«Сказание о крестном знаменнии» преподнесено автором как послание неизвестному и начинается со скрытой цитаты, спровоцировавшей высказывание Максима Грека: «Онем же предваривъ, въпросилъ мя еси раскрыти тебѣ силу таинаго апостольскаго преданна, сирѣчь образа крестнаго» (С. 28). Принцип организации повествования — ответ на просьбу анонимного адресата — типичен для средневековой публицистики.

Вступительная часть «Сказания» построена на экзегетике стиха Пс 59: 6–7, ставшего релевантным признаком сюжета о крестном знаменнии и интенциональным моментом в замысле сочинения. Изложение авторской концепции начинается со слов: «О семъ малыми побесѣдую тебѣ» (С. 29), устанавливающих доверительный тон повествования.

От апелляции к культурной памяти мнимого собеседника («Вѣдомо убо да есть тебѣ, что якоже въ Божественном крещении трети въ воду погружении тридневное Спаса Христа погребение и въскресе гадаетъ церковное предание» (С. 29)) через комментарий цитаты из Послания римлянам (Рим 6: 3–4¹²) Максим Грек подходит к основной теме повествования — о крестном знаменнии: «Сиде и знаменованне Честнаго Креста все вкупѣ благовѣриа таинство учит ны исповѣдовати таинственѣ» (С. 29). Смысловое ядро «Сказания» Максима Грека — описание обряда знаменния в авторской редакции: «Съвокупление бо триехъ прѣстеи, сирѣчь палца, и еже от средняго и малаго, таину исповѣдуемъ богочалныхъ триехъ ипостасехъ: Отца и Сына и Святаго Духа, — Единого Бога трое. Протяжением же дльгаго и средняго — съшедшеся два естества въ Христѣ, сирѣчь самого Спаса Христа исповѣдуемъ съвръшена Бога и съвръшена человекъ въ двою существу и естеству, вѣруемаго и познаваемаго. Положением же прѣстеи на челѣ исповѣдуемъ два нѣкая, сиа: яко от Бога и Отца родися, якоже и наше слово от ума

¹⁰ В Хлудовском собрании сочинений Максима Грека (РГБ. Собр. Большакова. № 285) утрачены листы с текстом «Сказания»; в составе Румянцевского сборника (РГБ. Собр. Румянцева. № 264) сочинения нет.

¹¹ Текст цитируется по изданию: Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 28. Далее страницы указаны в круглых скобках.

¹² «Елицы бо въ Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся, съпогребохомся Ему крещениемъ в смерть. Да якоже Христосъ воста от мрътвыхъ, такожде и мы въ обновлении животу поживемъ». Цитата приведена по тексту Максима Грека.

происходит, и яко съвыше сниде, по Божественному слову, глаголющему, и преклони небеса и сниде. А положениемъ прѣстѣи еже на пупѣ — снитие Его еже на земли и еже въ пречистѣи утробѣ Богоматере безсѣменное зачатие Его и девятомѣсячное вселение явственѣ възвѣщаемъ. А обвожениемъ еже отгуду всея руки на десную и лѣвую страну яснѣ образуем — хотящии изнестися горькыи отвѣт онъ от праведных, стоящих одесную Судии на стоящихъ ошую Судии, на нечестивых и грѣшныхъ» (С. 29–30).

Именно в процитированном фрагменте А. Т. Шашковым отмечено «заглажение» текста (подчеркнуто в приведенной цитате), свидетельствующее о намеренной фальсификации церковниками сочинения Максима Грека в списке РГБ. Ф. 304/1. Троицкое собр. № 200, обнаруженной в начале XVIII в. старообрядцами. Так, на месте подчищенного «малого» вписано «указательного», на месте подчищенных слов «протяжением же долгаго и средняго» вписано «согбением же малого и близ того суцаго». Результатом такого «редактирования» стало искажение смысла авторского текста, но новое содержание давало официальной Церкви возможность закрепить авторитетом Максима Грека свою позицию в полемике со сторонниками старого обряда.

Заключает Святогорец свои рассуждения о крестном знамении словами: «Такова убо есть сила знамения Честнаго Креста» (они отсылают читателя к авторской приписке в заголовке списка РГБ. Ф. 173/III. Собр. МДА. № 138). Ответственность публициста за высказанное подчеркнута словами: «яко мне мощно есть вѣдѣти» (С. 31), заключающими догматическую часть «Сказания». Ими определен уровень самосознания Максима Грека.

Историческая часть сочинения представляет доказательства «предобразования» крестного знамения, которые ученый грек изложил не выписками («свидетельствами»), а реминисценциями из ветхозаветной истории: о патриархе Иакове (сыне патриарха Исаака), пророчески благословившем своими «старческими руками» внучат Ефрема и Манасию; о Моисее, который велел евреям кровью агнца знаменать двери своих домов и «жезлом своим порази Черное море...».

Святогорец построил повествование на нарративных материалах, предпочитая цитатам пересказы источников, и в этой свободе изложения надо видеть главную особенность стилистики авторского текста. Небольшое сочинение Максима Грека с гомогенной структурой, линейным двучастным сюжетом, аксиологической модальностью представляет один из характерных творческих опытов монологичного повествования публициста. Оно было чрезвычайно популярно в книжной культуре XVII–XVIII в. в связи с историей раскола русской Церкви.

Не существует межтекстовых связей между сочинениями Даниила и Максима Грека, несмотря на смысловые повторы, которые возникли на уровне интерпретаций библейского мотива (Пс 59: 6–7), выполнившего роль опознавательного сигнала в сюжетах о крестном знамении.

Н. В. Синецына отмечала, что «Сказание о крестном знамении» Максима Грека «тематически связано со Стоглавым собором» [Синецына, 1977, с. 174], вероятно, замысел сочинения возник в атмосфере его подготовки (в 1547 г. Максим Грек был освобожден по поручению Ивана IV из ссылки в Тверь, возможно, находился в Москве [Синецына, 2008, с. 234]). Но сочинение Святогорца не оказало влияния на формирование 31-й «О крестном знамении...» и 32-й «О крестящихся не по чину» глав «Стоглава» [Емченко, с. 292–293], основанных на сюжетах «Феодоритова слова», «Слова о крестящихся» в редакции Толковой Псалтыри, а не митрополита Даниила. Следовательно, не заметно также участие Слова 4 писателя в составлении сборника церковных постановлений.

Решением Стоглавого собора на Руси в XVI в. официально было закреплено двуперстие.

Литература

- Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
- Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М., 1996. Т. V. С. 7–10.
- Беляев И. Д. Даниил, митрополит Московский // ИОРЯС. 1856. Т. V. Вып. 4. Стб. 193–209.
- Бодянский О. М. «Рассуждения инок князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами» // ЧОИДР. 1859. Кн. III. Отд. 3. С. 319–340.
- Виноградов Н. «Феодоритово слово». М., 1866.
- Гаврюшин Н. К. Митрополит Даниил — редактор «Диалектики» // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 357–363.
- Гинбов А. Даниил, митрополит Московский, как проповедник // Рязанские епархиальные ведомости. 1874. № 6. Прибавления. С. 132–139.
- Голубинский Е. Е. История русской Церкви. М., 1997. Т. II. Кн. II.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II. Кн. III.
- Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
- Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
- Журова Л. И. «Сказание о крестном знамении» Максима Грека (литературная и рукописная история, особенности адаптации памятника в новых культурных условиях) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 3–33.
- Журова Л. И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2014. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32). С. 130–156. (Журова, 2014а)
- Журова Л. И. «Наказания» в структуре Слов «Сборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 50–57. (Журова, 2014б)
- Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.
- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Коняевская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000.
- Левшин Л. В. О слове преображенном и слове преображающем. Теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2009.
- Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130–168.
- Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила. Статья преосвященнейшаго Макария, архиепископа литовского и виленского // Христианское чтение, издаваемое при С.-Петербургской духовной академии. 1872. Октябрь. № 10. С. 181–275.
- Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. Послания старца Артемия // РИБ. СПб., 1878. Т. IV. [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/”Russkaya_istoricheskaya_biblioteka”/”RIB”.t.04.\(1878\).\[pdf\].zi](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/”Russkaya_istoricheskaya_biblioteka”/”RIB”.t.04.(1878).[pdf].zi)
- «Свидетельство о древности перстосложения имясловного и троеперстного». М., 1884.
- Сапожникова О. С. Автограф митрополита Даниила и неизвестная редакция «Богословия» Иоанна Дамаскина // Очерки феодальной Руси. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 91–136.
- Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.
- Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
- Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1362).
- Смирнов П. О перстосложении для крестного знамения. СПб., 1891.
- Субботин Н. И. Так называемое Феодоритово слово в разных его редакциях // Братское слово. 1876. Кн. 4. Отд. 2. С. 187–214.
- Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993.

- Успенский Б.А. Крестное знамение и сакральное пространство. М., 2004.
- Успенский Б. А. Крест и круг. Из истории христианской символики. М., 2006.
- Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
- Успенский Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. М., 2012.
- Фроянов И. Я. «Валаамская беседа» в религиозно-политических спорах середины XVI в. // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История. 2006. № 7. С. 78–98.
- Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII в. (подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 80–87.